

И. А. Хойновский

**Раскопки великокняжеского
двора древнего града Киева**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
И11

И11 **И. А. Хойновский**
Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева / И. А. Хойновский –
М.: Книга по Требованию, 2015. – 143 с.

ISBN 978-5-458-23529-7

Описание результатов раскопок, произведенных в 1892 году.

ISBN 978-5-458-23529-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ Кіевѣ въ 1874 г. происходило засѣданіе 3-го археологическаго съѣзда; собравшіеся на этотъ съѣздъ ученые и профессора, осматривая достопримѣчательныя древности Кіева, между прочимъ, посѣтили и Десятинную церковь; выйдя изъ воротъ церковной ограды, археологи, остановившись на бугоркѣ около церковныхъ воротъ, смотрѣли на стоявшій съ другой стороны улицы домъ съ просторной усадьбой и большимъ фруктовымъ садомъ. Руководящій осмотромъ знатокъ кіевскихъ древностей, указывая на эту усадьбу, принадлежащую князю Трубецкому, объяснялъ членамъ съѣзда, что на этомъ мѣстѣ и въ слѣдующихъ за нимъ усадьбахъ древняго града, въ началѣ Руси былъ Князь-Дворъ, что здѣсь, на этой горѣ жилъ какъ лѣтописный Кій, такъ и основатели Русскаго государства, первые князья Кіевскіе. Теперь эта усадьба составляетъ частную собственность ея владѣльца, но прійдетъ время, что ее купятъ археологи, раскопаютъ, каждую былинку разсмотрятъ и просѣютъ, и тутъ только найдутъ безцѣнный матеріалъ для начальной исторіи Руси. Это патріотическое увлеченіе страстнаго любителя родной старины не сбылось въ деталяхъ; но Провидѣнію угодно было, чтобы раскопка части этой мѣстности досталась въ мои руки. Понимая важное значеніе и отвѣтственную роль передъ обществомъ, я старался исполнить выпавшую на мою долю задачу, насколько мои средства, какъ умственные, такъ и денежныя, а главное, насколько сложившіяся обстоятельства, при которыхъ производилась раскопка, мнѣ позволили. Пятаго февраля 1892 г. въ мѣстныхъ газетахъ появилось извѣстіе, что князь Трубецкой продалъ часть своей усадьбы инженеру Кривцову и что для постройки въ купленномъ участкѣ дома будетъ произведена съемка земли въ количествѣ довольно значительномъ, для того, чтобы выровнять усадьбу съ высотой улицы. Дѣлая въ прежнее время разныя изысканія на площади Кіева, въ Кіановской улицѣ, около Выдубицкаго монастыря, въ завалившейся пещерѣ, около сѣнной площади въ усадьбѣ Гребеня, и помѣщая результаты добытыхъ свѣдѣній въ газетахъ: «Заря» и «Кіевское Слово», мнѣ пришлось, для объясненія въ печати своихъ изслѣдованій, много изучать, какъ лѣтописи, такъ и описанія прошлаго времени Кіева; поэтому газетное объявленіе застало меня уже достаточно свѣдущимъ въ исторіи Кіева, и я зналъ хорошо важное историческое значеніе и блестящее прошедшее участка, на которомъ

начиналась съёмка земли, а потому рѣшился наблюдать, и если окажется возможнымъ, то и принять энергическое участіе въ изслѣдованіяхъ того мѣста при раскопкѣ, какъ своимъ опытомъ, познаніями, такъ и денежными средствами. Обстоятельства помогли моему усердію: въ Кіевѣ въ это время начали съѣзжаться помѣщики юго-западнаго края на годовичную ярмарку-контракты. Увеселенія масляницы, званые блины, балы, концерты и дѣловое время контрактовъ поглотили все вниманіе кіевлянъ, а въ томъ числѣ и археологовъ; профессора же были заняты лекціями въ университетѣ, да кромѣ того слякоть въ перемежку съ двѣнадцати-градуснымъ морозомъ и снѣжною мятелю такъ устроили любознательныхъ, что никто не рѣшался сидѣть по цѣлымъ днямъ при работахъ. Всѣ эти условія, а можетъ быть незнаніе большинствомъ прошлаго раскапываемой мѣстности сдѣлали то, что соперниковъ на этотъ трудъ у меня не оказалось, за исключеніемъ барышниковъ, торгующихъ древностями, которые вскорѣ начали красть находки, а потому были изгнаны. Владѣлецъ усадьбы Я. В. Кривцовъ, узнавши отъ меня исторію мѣстности, оказалъ полное сочувствіе моимъ изслѣдованіямъ, и въ виду моихъ трудовъ и моего заявленія, что я намѣренъ издать описаніе древностей, здѣсь найденныхъ, предоставилъ въ мою пользу свою половину найденныхъ предметовъ. Съ этого времени мое положеніе при раскопкахъ сдѣлалось вполне опредѣленнымъ и я, не жалѣя трудовъ и средствъ, занялся присмотромъ и собираніемъ древностей. Правильность археологической раскопки была, въ этомъ случаѣ, немислима. Земля снималась не послонію, а сразу вся четырехъ-аршинная ея высота. Двадцать человѣкъ землекоповъ становились въ рядъ на высотѣ края земли, ломами откалывали на аршинномъ пространствѣ промерзшій верхній слой, потомъ снимали его вглубь до уровня улицы, выкидая землю прямо въ ящики грабарокъ, вывозившихъ ее сейчасъ со двора. Окончивъ выемку такой стѣны земли, занимали сверху другую стѣнку и работа быстро подвигалась впередъ. Подрядчикъ, условившійся получать плату отъ куба вывезенной земли, наблюдалъ за быстротой съёмки. При этихъ условіяхъ присмотръ за находками на протяженіи 21 саж., безъ вниманія къ нимъ самихъ землекоповъ, сдѣлался очень труднымъ и я, убѣдившись скоро въ этомъ, придумалъ единственное въ такомъ положеніи средство —развить между рабочими корыстолюбіе и соревнованіе, а потому общалъ имъ, что за всякій предметъ, найденный въ землѣ, буду сейчасъ имъ платить деньги, приказывая внимательно присматриваться къ выбрасываемой землѣ и собирать все около себя, не выбрасывая ни малѣйшей вещи въ ящики. Расчетъ мой былъ тотъ, что рабочій, внимательно собирая всякую мелочь, не пропуститъ предмета, хотя и мелкаго, но для меня интереснаго, за все получая вознагражденіе, а я если заплачу за двадцать находокъ безъ значенія, то этимъ не упущу двадцать перваго предмета, имѣющаго какой-нибудь научный интересъ. Вооружаясь каждое утро кошелькомъ съ мелкимъ серебромъ и кредитками, я, кажется, успѣлъ спасти много предметовъ, довольно интересныхъ въ научномъ значеніи, которые иначе были бы засыпаны въ яръ, куда сваливали вывезенную землю. Приказчики же хозяевъ помогали мнѣ въ присмотрѣ, въ интересѣ своихъ господъ. Замедлять ходъ съёмки никто не могъ, потому что съёмка земли усло-

віємъ договора должна была быть окончена къ 15 марта и заботой подрядчика было, содержать столько людей и лошадей, выгадать поспѣшностью съемки свои барыши изъ этого подряда. Проходя часто по линіи съемки и болѣе наблюдая мѣста съ человѣческими костями, я занятъ былъ преимущественно изслѣдованіемъ раскапываемыхъ могилъ. Рабочіе же въ это время на всемъ пространствѣ собирали древности и я, отбирая находки при обходѣ, если находилъ предметъ интересный, то тутъ же осматривалъ мѣсто, съ котораго онъ былъ снятъ, для своихъ личныхъ соображеній о времени его производства и окружавшихъ его другихъ предметовъ. Изъяснивъ всѣ условія, при которыхъ производилась эта съемка земли и осматривая, по окончаніи ея, добытые результаты, какъ научные, такъ и вещественные, я съ полнымъ убѣжденіемъ могу сказать, что сдѣлалъ все, что при данныхъ условіяхъ могъ сдѣлать и добыть такіе результаты, какіе энергія и деньги могли добыть мнѣ. При этомъ я не отрицаю, что когда бы эта съемка была произведена лѣтомъ и производилась бы какъ слѣдуетъ археологической раскопкѣ быть произведенной, т. е. чтобы земля снималась послойно рабочими и повозками поденными, а не отъ куба вывезенной земли, то и результаты изслѣдованій могли бы быть совершеннѣе и количество находокъ значительнѣе; но это не отъ меня зависѣло, а купившій землю для постройки дома, какъ человѣкъ, недавно поселившійся въ Кіевѣ, не зналъ прошлаго своей усадьбы и не думалъ объ археологіи, заключая условіе на съемку земли съ подрядчикомъ.

Первоначальныя лѣтописныя свѣдѣнія о Кіевской горѣ.

На Трехсвятительской улицѣ въ усадьбѣ князя Трубецкого (планъ табл. № 1, рис. № 1), на пространствѣ 21-й сажени по улицѣ и 18-ть саж. въ глубину усадьбы произведена была планировка грунта съ уровнемъ улицы, для чего пришлось снять до четырехъ аршинъ поверхности земли, бывшей подъ садомъ князя. Это мѣсто въ старомъ нагорномъ участкѣ города Кіева, находящееся въ серединѣ между Трехсвятительской, Десятинной и Андреевской церквами, извѣстно по лѣтописямъ подъ именемъ Княжа-Двора,—хотя и не все поступило подъ съемку, потому что большая часть сада князя и сосѣднія усадьбы по Трехсвятительской улицѣ остались не изслѣдованными, во всякомъ случаѣ важны и тѣ 360 кв. сажень болѣе возвышенной исторической площади, на которой совершались великія историческія событія и гдѣ стояли дворы великихъ князей кіевскихъ перваго періода, а впослѣдствіи Яничь монастырь.

Древній Кіевъ въ X столѣтіи занималъ небольшое пространство земли на горѣ; такое мнѣніе мы приобрѣли изъ нѣсколькихъ повѣствованій Нестора, записанныхъ въ его лѣтописи. Въ сказаніи о мести Ольги надъ послами Древлянъ находимъ подъ 945 г. такое разъясненіе о древнемъ Кіевѣ: «И послаша Деревляне лучшіе мужи, числомъ 20, въ лоды къ Ольгѣ и присташа надъ Боричевымъ в—лоды. Бѣ бо тогда вода текуши въ здолѣ (внизу у подножія) горы Киевския и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ. Градъ же бѣ Киевъ, идѣже есть нынѣ (т. е. во

время описанія Несторомъ, въ 1108 г.) дворъ Гордятинъ и Нифовъ; а дворъ Княжь бѣше, идѣже естъ дворъ Воротиславъ и Чюдинъ. А Перевѣсище (теперешній Крещатикъ) бѣ внѣ града, И бѣ внѣ града дворъ другой, идѣже естъ дворъ Демьстиковъ (Деместниковъ) за святою Богородицею: надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ камень (Лаврент., изд. Кэн. 47).

Изъ словъ лѣтописца мы видимъ, что первоначальный градъ Киевъ занималъ небольшое пространство на горѣ, гдѣ въ Несторово время находились только двѣ усадьбы. Это время основанія поселенія древнѣйшаго града, т. е. что здѣсь поселились первые люди патриархальнаго быта въ своихъ землянкахъ и отъ этого центрального пункта поселеніе расширялось, т. е. увеличивалось число поселенцевъ. Около первой землянки построили вторую, третью и т. д., строились, расширяя границы заселенія на горѣ. Когда же поселеніе стало многолюдно, избрало себѣ старшину, кагана, или князя, былъ ли то Кій или Аскольдъ, то этотъ князь жилъ въ своей усадьбѣ, или княземъ дворѣ, а эта усадьба первыхъ князей находилась на томъ мѣстѣ горы, гдѣ во время Нестора имѣли свои усадьбы Воротиславъ и Чюдинъ. Но кромѣ этого главнаго двора, стоявшаго въ градѣ, т. е. въ пространствѣ, огороженномъ частоколомъ и рвами и укрѣпленномъ по понятіямъ того времени, былъ еще дворъ другой внѣ града, за Св. Богородицей, на мѣстѣ котораго во время Нестора жили пѣвчіе (дворъ Демьстниковъ).

Кромѣ того, во время Ольги былъ дворъ Теремный. «Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубокую на дворѣ Теремскомъ внѣ града и заутра Ольга сѣдѣше въ Теремѣ посла по гости». (Шлецеръ. Т. III, стр. 299). Въ названіяхъ, которыя Несторъ даетъ дворамъ въ своемъ описаніи, мы видимъ различіе ихъ назначенія. Первый дворъ, находившійся во градѣ, Несторъ называлъ ясно Княжь-дворъ, т. е. жилище кievскаго князя, второй дворъ Несторъ называлъ безъ слова «княжь»: «и бѣ внѣ града дворъ другой» и «на дворѣ Теремскомъ внѣ града»; изъ этого опредѣленія ясно видно, что главный Княжь-дворъ былъ во градѣ и въ немъ жилъ князь, но у князя была семья: братья, взрослые сыновья, которые особо жили за оградой крѣпости; да въ языческое время, когда было многоженство, князья, жившіе въ одномъ домѣ, либо дворѣ со своей дружиной, держали своихъ женъ въ теремномъ дворѣ, построенномъ надъ обрывомъ кievской горы, въ прекрасномъ мѣстоположеніи, на горѣ Уздыхальницѣ, съ вершины которой видно живописное теченіе Днѣпра, бархатные, зеленые луга и сосновые лѣса лѣвобережія на нѣсколько десятковъ верстъ. При потомкахъ Рюрика этотъ древнѣйшій градъ Киевъ помѣщался до Ярослава I на верхней площади центральной кievской горы, высоко стоящей у впаденія ручья Почайны въ Днѣпръ, и древніе кievляне чаще всего употребляли одно только слово для названія своего города, называя его горой. 1067 г. «Людие створиша вѣче на торговищи (собиравшемся на Подолѣ), идоша на гору съ вѣча. 1068 г. Изяславъ же възгна торгъ на гору. 1124 г. Погоре Подолье все; въ утрый же день погорѣ гора; 1146 г. Игорь созва Кыяне вси на гору, на Ярославъ дворъ; 1180 г. погорѣша дворове на горе и церкви зажжеса велика Митрополья Софѣя. 1202 г. И въѣхавъ въ Подолье, посла на гору къ Рюрикови. 1203 г. Не токмо едино Подолье взяша

и пожгоша ино гору взяша и Митрополью (Св. Софью)». Это название горы употребляли летописцы для определения в Киев древняго города до XIII столѣтія. Гора эта, или собственно древній городъ, укрѣплень былъ валомъ и деревянной стѣной, построенной изъ дубоваго частоколу. (Смолтр. планъ древняго града. Табл. № 2, рис. № 3). Внѣ этого древнѣйшаго града все пространство было покрыто лѣсомъ, садами, либо песчаными полями, какъ говоритъ Несторъ: «и быше около града лѣсъ и боръ великъ». Сѣвернымъ предѣломъ Кіева была гора Уздыхальница (гдѣ нынѣ Андреевская церковь), на восточномъ краю города былъ высокій въ 45 саж. обрывъ къ берегу Почайны—притока Днѣпра и части города, называемой Подоль. Съ юго-восточной стороны проходила дорога до южныхъ воротъ града, по которой сообщались жители горы съ Набережнымъ Подоломъ и Днѣпромъ; эта дорога была въ высшей степени крутая и называлась Боричевъ ввозъ (межъ Трехсвятительской церковью и сѣверной оградой Михайловскаго монастыря); дальше шелъ валъ по задней оградѣ, теперешней Реальной гимназіи, а южной границей былъ оврагъ (гдѣ нынѣ Большая Житомирская улица); тамъ перекинутъ былъ мостъ черезъ оврагъ и стояли западные ворота, называемыя Софійскіе, а позднѣе Батыевы (на пересѣченіи Житомирской улицы съ Владимирской), а на западѣ валъ проходилъ между Деместниковымъ дворомъ, стоявшимъ внѣ града, и церковью Пресв. Богородицы (Десятинной), окружая ее и направляясь къ Трехсвятительской церкви. Пройти въ градъ или въ укрѣпленіе можно было черезъ ворота, укрѣпленныя башнями, въ которыхъ черезъ рвы и овраги перекинуты были мосты. Съ Подола на гору вели двѣ дороги: одна по Боричеву ввозу, вела къ южнымъ воротамъ, а другая, по яру кожемятниковъ, по-за Десятинной церковью, съ сѣверо-западной ея стороны, вела къ западнымъ воротамъ, называемымъ впоследствии Софіевскими и Батыевыми. Сѣверо-восточная часть града, стоявшая надъ высокимъ обрывомъ горы, была по природѣ недоступна для ѣзды и крута для пѣшеходовъ на всемъ пространствѣ между Боричевымъ ввозомъ и Кожемяками. Андреевскаго спуска тогда не существовало, только въ XIV столѣтіи, въ Литовскій періодъ, были устроены на южной сторонѣ Десятинной церкви ворота Драбскія, для проѣзда въ старый городъ изъ Литовскаго замка (крѣпости). Проѣзжая дорога со Старога города на Подоль, возлѣ Андреевской церкви, только въ 1715 г. была прокопана княземъ Голицынымъ.

Объяснивъ вкратцѣ мѣсто, на которомъ находилась въ древнемъ Киевѣ летописная гора и границы ея, т. е. града Кіева, мнѣ теперь надо опредѣлить, что означаетъ летописное названіе Княжь-дворъ и его мѣсто на горѣ. Г. Закревскій (Описание Кіева, стр. 839), въ своихъ трудолюбивыхъ изысканіяхъ по древнему Кіеву, ошибочно объясняетъ, что Княжь-дворъ означало домъ, зданіе, т. е. дворецъ, гдѣ жилъ князь, но не пространство, или площадь при домѣ; по моимъ же изысканіямъ, которыя будутъ ясны изъ ряда летописныхъ сказаній, какія мнѣ придется здѣсь же привести, Княжь-дворъ означаетъ въ летописяхъ не только домъ, занимаемый княземъ, но и совокупность всѣхъ построекъ, въ которыхъ жили князья, помѣщались: его прислуга, его дружина, кухни, конюшни, кладовыя и проч. и все пространство, занятое этими постройками; количество этихъ построекъ съ каждымъ

княземъ увеличивалось, занимая постепенно все большее пространство кievской горы у восточнаго ея вала. Объ обширности Княжаго-двора мы лучше всего можемъ судить по сказанію Ипатьевского лѣтописца съ 1150 г. «Изяславъ же поклонивъся святой Софьи и възѣха на дворъ на Ярославль всимъ своимъ полкомъ и Кіянъ съ нимъ приде множество. Въ то же время Вячеславъ сѣдѣше на сѣньици и мнози начаша молвити князю Изяславу: «Княже! ими и, дружину его изъеми; друзіе же молвяхуть: «аъ посѣчемъ подъ нимъ сѣни». Изяславъ же рече: «не дай ми того Богъ, язъ не убійца есмь братіи своей; а се ми есть яко отецъ стрый свой, а язъ самъ полѣзу къ нему» поима съ собою мало дружины, и лѣзе на сѣни къ Вячеславу къ строеви своему, и поклонися ему. Вячеславъ же вѣста противу Изяславу, и цѣловастася, и сѣдosta оба по мѣсту. Изяславъ же рече Вячеславу: «Отце! кланяются нелзѣ ми ся съ тобою рядити, видиши ли народа силу, людій полкъ, стояща, а много ти лиха замысливають»... Изяславъ же пріѣха въ Кіевъ, и тако ударя у трубы съзва Кіяны, и поиде изъ Кіева полкы своими противу Володимиру... По возвращеніи Изяслава въ Кіевъ и бѣгства Игоря, находимъ описаніе приема кievлянами возвратившагося князя и угощенія кievлянъ. «Кіане же, услышавше Изяслава, изидоша противу ему съ радостью. Изяславъ же въ Кіевѣ сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего съ чстью великою, много изымаша дружины Гюргевы по Кіеву. Изяславъ же отъ святоѣ Софьи поѣха, и съ братьею, на Ярославль дворъ, и Угры позва съ собою на обѣдъ и Кіяны, и ту обѣдавъ съ ними на велицѣмъ дворѣ на Ярославли и пребыша у велицѣ весельи, тогда же Угре на фарехъ и на скокахъ играхуть, на Ярославли дворѣ многое множество. Кіане же дивяхутся Угромъ множеству, и кметства ихъ, и кономемъ ихъ». Отнявъ Кіевъ побѣдами у Всеслава, Изяславъ входитъ въ свой Княжъ-дворъ, унаслѣдованный имъ отъ отца и дѣда. Этотъ дворъ настолько обширенъ, что въ немъ помѣстились полкъ, князя и вспомогательный отрядъ венгерскаго войска, т. е. вся армія князя и жители Кіева. Всѣхъ собравшихся людей князь кормитъ и угощаетъ на радости. Между тѣмъ мы видимъ, что площадь града Кіева, окруженная валами, занимала около десяти десятинъ пространства. Выключивъ пространство, занимаемое двумя церквями, Св. Василия и Пресвятой Богородицы и двумя монастырями: Янчинымъ, съ церковью Св. Андрея и Вотчъ, съ церковью Св. Феодора, да Бабій торжокъ возлѣ Десятинной церкви, то ясно увидимъ, что въ предѣлахъ града мало уже остается площади и свободное мѣсто между Янчинымъ монастыремъ и церковью Св. Василия (Трех-святительской), у восточнаго вала, занималъ Княжъ-дворецъ, а на остальной площади стояли другіе дома родичей и для помѣщенія дружины и службы князя. Только въ первоначальныхъ лѣтописяхъ, въ объемѣ древняго града, упоминается лѣтописцами о нѣсколькихъ усадьбахъ Воротиславля и Чюдина, совѣтниковъ Ярослава I. да дворъ Гордятина, Нифова и усадьба Варяга, на которой построена Десятинная церковь. Но послѣ Ярослава I усадьбы частныхъ лицъ, упоминаемыхъ лѣтописцами, были внѣ древняго града за Батыевыми воротами (дворы Брячислава, Глѣба). О расположеніи построекъ на пространствѣ древняго града, соображаясь съ уцѣлѣвшими ихъ остатками, узнаемъ изъ разсказа лѣтописца объ убіеніи Игоря Ольговича

въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1147 годомъ, разсказанной дополняя сказанія лѣтописца своими объясненіями мѣстности усадебъ, указываемыхъ лѣтописцемъ. Князь кievскій Изяславъ выступилъ съ своей дружиной къ Чернигову, но, удостовѣрившись во время пути, что черниговскіе князья хотѣли его замануть къ себѣ, съ намѣреніемъ его захватить и отнять у него Кіевскій великокняжескій удѣлъ, озлобился на нихъ и прислалъ распоряженіе къ двумъ оставшимся въ Кіевѣ братьямъ своимъ Владимиру и Михаилу: собрать кievлянъ на вѣче во дворѣ Св. Софіи и, объяснивъ имъ измѣну, требовать, чтобы Кіяне, вооружившись, спѣшили къ нему на помощь для наказанія черниговскихъ князей. Кіевляне согласились, но, не довѣряя остающемуся въ Кіевѣ схимнику Вотчъ монастыря, Игорю, бывшему передъ тѣмъ кievскимъ княземъ, и опасаясь, что во время отсутствія изъ Кіева всѣхъ гражданъ и князей, Гюргій натворитъ бѣды Кіеву, рѣшили, передъ выступленіемъ изъ города, убить Гюргя. Митрополитъ Климы, тысяцкій Лазарь и князья отговаривали ихъ отъ убійства, но увѣщанія не помогли, и кievляне всей толпой двинулись отъ Св. Софіи въ старый городъ для исполненія своего рѣшенія. «Они же кликнуша и пойдоша убивать Игоря, и Володимиръ всѣдъ на конь погна, и народи идяху по мосту; онъ же не мога ихъ минути увороти коня на право мимо Глѣбовъ дворъ, и вскорѣша Кіяне передъ Володимиромъ. Игорь же, услышавъ, поиде въ церковь Св. Ѳеодора, они же устремишася нань яко звѣрье свѣрѣпи и похитиша его на обѣднѣ въ церкви святаго Ѳеодора, и манотью на немъ оторгоша... и емше поведоша изъ монастыря, и срѣгъ и Володимиръ въ вратѣхъ монастырскихъ». Когда народъ изъ Софійскаго двора побѣждалъ по мосту чрезъ западные ворота въ Вотчъ монастырь, въ которомъ жилъ инокъ Игорь, то Владимиръ вскочилъ на свою верховую лошадь, на которой пріѣхалъ на вѣче въ Софію и погналъ коня, желая впредъ толпы явиться къ Игорю, чтобы его спрятать, либо спасти какимъ-нибудь образомъ. Прискакавъ къ мосту и увидѣвъ его набитымъ тѣснившимся народомъ, онъ поворотилъ коня вправо, мимо Глѣбова двора, надѣясь промчатся къ монастырю, быстрѣе черезъ южныя ворота. Но толпа его опередила, такъ какъ Вотчъ монастырь былъ ближе западныхъ, нежели южныхъ воротъ. Монастырь этотъ съ церковью Св. Ѳеодора и кельями былъ огороженъ заборомъ, и входъ въ монастырь былъ съ востока, отъ стороны Княжаго-двора. Изъ смысла словъ лѣтописи Патріаршей, стр. 116, мы узнаемъ, что каменная церковь Св. Ѳеодора Вотчъ монастыря была недалеко отъ городскихъ западныхъ воротъ и въ недалекомъ разстояніи со стороны воротъ этого монастыря была Андреевская церковь женскаго Янкина монастыря, часть стѣны церкви Св. Ѳеодора видѣлъ въ 1638 г. Кальнофойскій и показалъ ихъ на своемъ планѣ (Закревскій, 224 стр.). Толпа, схвативъ Игоря въ церкви и сорвавъ мантию, выводила его изъ воротъ ограды монастыря въ то время, когда къ этимъ воротамъ прискакалъ Владимиръ. «Игорь вѣзря нань: оохъ брате, камо мя ведутъ? Искочи Володимиръ съ коня и огну и корзномъ, река Кіянemъ: братіе моя! не мозите сего створити зла, ни убивайте Игоря, и доведе и Володимиръ воротъ матери своея, и ту начаша Игоря убивати, и удариша Володимира, бьюче Игоря. Михаилъ же видѣ то, искочи съ коня, хотя помочи Володимиру, Володимиръ

же выча и во дворъ матери своей, Игоря хороня, и затвори ворота; бьоче же Михаила, отторгаша хрестъ на немъ и съ чепьми, а въ немъ гривна золота. Толику же множеству, убивающимъ Игоря (и пригна Володимиръ Мстиславичъ, исходи съ коня паде на Игоря) и тако Игорьъ вѣста и вниде въ дворъ Мстиславль; и тако людье яша Володимира и хотѣша убити про Игоря и тако изъ народа стояще, и вѣрѣша Игоря вѣбѣгша въ Мстиславль дворъ и тако народъ двинушася и выломаша ворота и тако побѣша». Увидѣвъ Игоря во власти толпы безъ одежды, Владимиръ вырвалъ его изъ рукъ убійцъ, прикрывъ наготу его своимъ плащемъ, и увелъ его въ ближайшій дворъ княгини матери своей, т. е. вдовы князя Мстислава, которая, вѣроятно, жила вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ Михаиломъ и имѣла свой дворъ ближе другихъ княжихъ дворовъ, находившихся отъ мѣста происшествій, но въ воротахъ, когда киевляне замѣтили, что жертва могла изъ рукъ ихъ уйти, то уже не стѣсняясь князя Владимира, кинулись отнимать силою Игоря, прибѣжавшій князь Михаилъ, увидя, что бьютъ не только Игоря, но и Владимира, соскочивъ съ коня, ринулся спасать князей и завязалъ рукопашную свалку съ киевлянами, вѣроятно ему помогали, какъ прислуга, такъ и тысяцкіе съ тивунами и всѣ люди, которые на вѣче въ Софійскомъ дворѣ были противъ убійства Игоря. Борьба была упорная настолько, что одежды, крестъ съ мощами и шейная золотая гривна Михаила были сорваны, но драка приверженцевъ князей дала время Владимиру провести Игоря во дворъ и запереть ворота. Когда же Владимиръ увидѣлъ, что бьютъ брата его Михаила, то оставилъ Игоря спасаться, какъ самъ знаетъ, а вернулся помогать брату, и теперь толпа, озлобленная тѣмъ, что не видитъ уже Игоря, чуть не убила Владимира за уводъ Игоря. Игорьъ воспользовался временемъ драки, не чувствуя себя здѣсь въ безопасности, закрытый оградой двора, бѣжалъ подальше и пробрался по за оградой Вотчь монастыря въ другой княжій дворъ Мстиславль, который, вѣроятно, находился на западъ отъ Десятинной церкви. Но кто то изъ лицъ, не участвовавшихъ въ борьбѣ, замѣтилъ Игоря, спасавшагося во дворъ Мстиславля, и когда народъ, усиливъ княжескихъ приверженцевъ и поколотивъ князей, не нашелъ Игоря во дворѣ матери князей, то по указанію видѣвшаго спасавшагося Игоря, народъ устремился на дворъ Мстиславовъ, выломалъ ворота и тамъ поймалъ Игоря и убилъ его. Повторяющіяся слова лѣтописи: «и прогна Володимиръ Мстиславль исходи съ коня паде на Игоря» были написаны второй разъ переписчикомъ по ошибкѣ; продолженіе текста лѣтописи такъ гласитъ: «Беззаконіи же немилостивіи побивше и отъинудъ тѣло его наго оставиша и поверзъше ужемъ за ноги уволочиша; и еше живу сущу ему, ругающесе царьскому и священному тѣлу и волокаша и съ Мстиславля двора черезъ Бабинъ торжекъ на Княжъ-дворъ, и ту прикончаша и... И оттуда възложиша и на кола, и везоша и на Подолье, на Торговище». Избитаго на дворѣ Мстислава Игоря, привязавъ къ ногамъ веренки, поволокли черезъ Бабинъ торжекъ на Княжъ-дворъ, чтобы тамъ взять повозку, на которой перевезли убитаго Игоря на Подоль. Извѣстно, что Бабинъ торжекъ находился на площади между Десятинной и Св. Феодора церквами, черезъ эту же площадь проходила улица отъ западныхъ воротъ къ княжему дворцу, слѣдовательно, Мстиславль дворъ былъ съ

западной стороны Десятинной церкви. Для двора же вдовы Мстислава, матери князей, живших в своем дворе, ближе других к Вотчь монастырю находилось только на южной стороне Вотчь монастыря свободное место и оба двора были огорожены забором с крепкими воротами. Князь-же двор был обширнее всех, где князья могли угощать тысячи народа и свои полки, а с галерей (сѣни) трубой созывали киевлян к себе на совет. Пространство подходящее, как более защищенное неприступными обрывами, с прекрасным видом на Заднѣпровье, и более других обширное, чтобы поместить Великий Ярослав, или Князь-двор было только у восточного вала древнего града, а двое городских врат стояли наспротив двора. В таком положении был древний град до князя Владимира, но со времени княжения Владимира, державшего мощной рукой власть над разными племенами, вошедшими в состав Руси, и значительно расширившего границы подвластных ему народцев, древний град становился тѣсным для возрастающего народонаселения; знатные горожане начали строить дома на плоскости Софійской, вблизи укрепления древнего города, и сын Владимира Ярослав увидел необходимость окружить укрепления и вновь заселившуюся часть города, распространившуюся до Золотых ворот на запад и жидовских ворот (сѣнная площадь) на северо-запад, украсил новую часть города многими каменными строениями, как Софійской митрополию, Ирининским женским и Георгіевским мужским монастырями, Золотыми воротами и проч. Подол и Печерская обитель также заселились и укрепились, так что Киев, в половине XI столѣтія сдѣлался довольно значительным и богатым городом. По кончине Ярослава, на пространствѣ между Трехсвятительской и Десятинной церквами, в 1086 г., Всеволод Ярославич «заложи церковь Св. Андрея, створи у церкви тоя монастырь, в нем же пострижеся дщи его дѣвою именем Янька». Монастырь этот назывался Яничь и Янкинъ и тамъ погребены были: в 1111 г. Анна, вторая супруга Всеволода, в 1112 г. инокиня Янька, для которой былъ основанъ монастырь этот; в 1139 г. Ярополкъ II, погребенный рядомъ с Янкой. В 1170 г. погребенъ Володимиръ, сынъ князя Андрея Боголюбскаго. (Закревскій, стр. 188, т. I). При нашествіи монголовъ, Батый, в 1240 г. разрушилъ этотъ монастырь и о немъ забыли; только по прошествіи 500 лѣтъ, новую Андреевскую церковь построила Императрица Елисавета в другомъ мѣстѣ, на горѣ Уздыхальницѣ в 1750 г., где она и нынѣ находится. Рядомъ с раскопанымъ теперь мѣстомъ к югу былъ Вотчь-мужской монастырь Св. Оеодора, который в 1128 г. основалъ князь Мстиславъ, сынъ Владимира Мономаха, около котораго было похоронено много князей Рюрикова дома: Мстиславъ Владимировичъ, Изяславъ Мстиславичъ, Ростиславъ, Мстиславъ и Владимиръ Мстиславичи, Изяславъ Ярославичъ, Глѣбъ Юрьевичъ и друг. Церковь эта каменная, тоже разрушена была въ погромъ монгольскій, но часть сѣны этой церкви просуществовала до 1638 г. и, постепенно разбираемая окрестными жителями, исчезла безслѣдно. Изъ всего здѣсь сказаннаго и перечисленныхъ именъ князей, похороненныхъ на этомъ участкѣ, достаточно убѣждаемся, что древний градъ былъ вмѣстѣ усыпальницей Велико-княжескаго періода Киевскихъ князей. Но этотъ Пантеонъ Рюриковичей, какъ и весь

Кіевъ въ монгольскій періодъ, былъ разрушенъ въ 1240 г., и Кіевъ въ продолженіе 10 лѣтъ послѣ погрома былъ такой пустыней, что только волки по немъ бродили. Подъ натискомъ монголовъ всѣ кіевляне и окрестные жители, сбѣжавшіеся въ крѣпость, столпились въ послѣдній часть борьбы около Десятинной церкви, гдѣ монголы ихъ избивали: «и люди вся изсѣкоша, мужи, жены и чада, и не бѣ стонущаго, ни плачущагося, ни отцу, ни матери о любимыхъ чадахъ, ни брату по братѣ, ни ближнему роду, но вси вкупѣ мертвы лежаще» (Софійскій временникъ). Восемьдесятъ лѣтъ спустя послѣ монгольскаго нашествія, въ 1320 г., всѣ бояре Воынской области признали своимъ княземъ могущественнаго Литовскаго князя Гедимина, удержавъ обычаи и вѣру свои. Соловьевъ, русск. истор. въ т. III, стр. 305, о покореніи Кіева такъ рассказываетъ: «На слѣдующій, 1321 г., Гедиминъ двинулся къ Кіеву, которымъ владѣлъ какой то князь Станиславъ. На' помощь къ Станиславу пришли князья: Олегъ Переяславскій, Святославъ и Василій Брянскіе и бѣжавшій изъ Воыни князь Левъ и встрѣтили Литовцевъ надъ рѣкою Ирпенемъ. Гедиминъ разбилъ соединенное войско князей. Олегъ и Левъ были убиты въ сраженіи, а Станиславъ съ Брянскими князьями бѣжали съ побоища. Бѣлгородъ сдался побѣдителю, а Кіевъ выдержалъ двухмѣсячную осаду, но граждане, не видя ни откуда помощи, собрались на вѣче и рѣшились поддаться Литовскому князю, который съ триумфомъ вѣхалъ въ Золотыя ворота. Другіе города русскіе послѣдовали примѣру Кіева. Гедиминъ оставилъ вездѣ старый порядокъ, только посажалъ своихъ намѣстниковъ и гарнизоны по городамъ. Первымъ намѣстникомъ въ Кіевѣ былъ назначенъ Миндовъ, князь Гольшанскій. Съ тѣхъ поръ Кіевъ раздѣлялъ историческую судьбу Литовскаго княжества въ продолженіе 346 лѣтъ до Андрусовскаго мира, заключеннаго въ 1667 г. 20-го Января, между Яномъ Казиміромъ, королемъ Польши и Алексѣемъ Михайловичемъ, царемъ Московскимъ. Въ Литовскій періодъ мѣстность, нами раскопанная, находилась на границѣ Кіевского замка, т. е. крѣпости, построенной Гедиминомъ или Ольгердомъ, для защиты города отъ нападенія татаръ. Въ замкѣ жилъ воевода, стояли казармы для войскъ гарнизона и дома управленія краемъ. Укрѣпленія замка были окружены валомъ и высокимъ частоколомъ, или острогомъ и шестигранными трехъ-этажными рублеными башнями, числомъ пятнадцать. Укрѣпленія занимали горы: Уздыхальницу и Киселевку, которыя въ то время не были раздѣлены Андреевскимъ спускомъ, прорѣзаннымъ Голицынымъ въ 1715 г., а составляли вмѣстѣ одну площадь. Въ районѣ Десятинной церкви къ югу, были южныя ворота крѣпости, называемыя Драбскія, для проѣзда изъ замка въ Старый городъ. Хотя замокъ и весь Кіевъ былъ выжженъ и разрушенъ въ 1482 г. крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, но польскіе короли опять его возстановили и замокъ существовалъ до 1649 г. Съ присоединеніемъ лѣвобережной Малороссіи и Кіева къ Россіи съ 1654 г. крѣпость была устроена на Старомъ городѣ и крѣпостныя валы обхватили значительное пространство, они выдвинуты были къ Золотымъ воротамъ и на Большую Подвальную улицу.

Извѣстныя намъ раскопки въ этой мѣстности произведены были въ 1832 г. на Десятинной улицѣ Кондратомъ Лохвицкимъ на счетъ графа Сакена. Найденныя